

ГЕРМЕНЕВТИКА ТЕХНИКИ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ ХАЙДЕГГЕРА

Москвитин Валерий Александрович

Аспирант, преподаватель, БГТУ «ВОЕНМЕХ»

им. Д.Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург)

moskvitin_va@voenmeh.ru

THE HERMENEUTICS OF TECHNOLOGY AND THE PROBLEM OF LANGUAGE IN HEIDEGGER'S PHILOSOPHY

V. Moskvitin

Summary: This article examines the dialectical interaction between the hermeneutic understanding of technology and the linguistic aspects of existence through the lens of Heidegger's philosophy. The central question is how technology, understood as a way of revealing being, relates to language, which serves as a medium in our perception and interpretation of reality. According to Heidegger's conception, technology is not merely a utilitarian toolkit; rather, it expresses fundamental aspects of being that manifest in linguistic structures and cultural contexts. Language, possessing the function of a bearer of meanings and interpretive possibilities, defines the boundaries of our perception of technological phenomena and their roles in human existence. The aim of this study is to analyze the relationship between technology and language within the context of Heidegger's philosophy, emphasizing technology as the language of being and its role in shaping contemporary ontological and existential concepts. Through hermeneutic and etymological approaches, the analysis delves into key concepts of Heidegger's philosophy, including «Gestell» and «techne.» This enables a deeper understanding of how technology transforms not only our relationship with the world but also the very language itself, impoverishing it and reducing it to functional descriptions. A critical analysis of contemporary technocratic discourse is complemented by an attempt to identify opportunities for restoring a «genuine» language capable of expressing the existential complexity of human interaction with being. Therefore, it is essential to investigate how hermeneutics aids in understanding this complex synthesis and how Heidegger's interpretation of language shapes our perception of technical processes and their impact on existential dimensions. Engaging with this issue opens up the possibility of a deeper awareness of the challenges facing humanity in the context of the technological transformation of the epoch.

Keywords: Martin Heidegger, technology, Gestell, language of being, technocratic discourse, hermeneutics, techne, revealing truth, existential philosophy, philosophy of science and technology.

Аннотация: В статье рассматривается диалектическое взаимодействие между герменевтическим осмыслением техники и языковыми аспектами бытия через призму философии Хайдеггера. Центральный вопрос заключается в том, как техника, понимаемая как способ раскрытия сущего, соотносится с языком, который служит посредником в нашем восприятии и интерпретации реальности. Согласно хайдеггеровской концепции, техника не сводится к утилитарному инструментарию; напротив, она выражает фундаментальные аспекты бытия, проявляющиеся в языковых структурах и культурных контекстах. Язык, обладая функцией носителя смыслов и интерпретативных возможностей, определяет рамки восприятия технических феноменов и их роли в человеческом существовании. Целью исследования является анализ взаимосвязи между техникой и языком в контексте философии Хайдеггера, с акцентом на технику как язык бытия и её роль в формировании современных онтологических и экзистенциальных представлений. Используя герменевтический и этимологический подходы, проводится анализ ключевых понятий философии Хайдеггера, включая «постав» и «техне». Это позволяет глубже понять, как техника преобразует не только наше отношение к миру, но и сам язык, обедняя его и сводя к функциональным описаниям. Критический анализ современного технократического дискурса дополняется попыткой выявить возможности восстановления «подлинного» языка, способного выразить экзистенциальную сложность взаимодействия человека с бытием. Таким образом, важно исследовать, как герменевтика помогает понять этот сложный синтез, и как хайдеггеровская интерпретация языка формирует наше представление о технических процессах и их влиянии на экзистенциальные измерения. Погружение в эту проблематику открывает возможность более глубоко осознать вызовы, стоящие перед человечеством в условиях технологической трансформации эпохи.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер, техника, постав (Gestell), язык бытия, технократический дискурс, герменевтика, техне, раскрытие истины, экзистенциальная философия, философия науки и техники.

Несмотря на то, что корпус литературы, посвящённой Мартину Хайдеггеру, уже давно достиг впечатляющих масштабов, его философская мысль остаётся трудноуловимой и сопротивляется завершённости и окончательным интерпретациям. Хайдеггеровская мысль, как отмечают исследователи, «не успокаивается, хотя и кружит вокруг одного и того же», указывая на её бесконечное развертывание в пределах базовых вопросов бытия.

Вместе с тем, сложная методология Хайдеггера нередко становится ловушкой: исследователи подвержены искушению перенять его язык, методы и даже терминологию, тем самым упуская из виду такие ключевые элементы его подхода, как беспредпосылочность и предпонимание. Эти принципы играют решающую роль в адекватном осмыслении его наследия. Однако, несмотря на методологические трудности, изучение философ-

ского наследия Хайдеггера предлагает нечто большее, чем просто интерпретацию его трудов — оно открывает горизонты, позволяющие по-новому взглянуть на основы бытия, языка и техники.

Хайдеггеровская мысль предлагает радикальный пересмотр подхода к технологическому знанию. Техника в понимании Хайдеггера — это не просто инструментарий, но способ раскрытия сущего, связанный с культурными и языковыми структурами. Наука, в свою очередь, формирует свои категории в рамках тех же герменевтических процессов. Философия Хайдеггера предоставляет ключ к пониманию взаимосвязи между техникой, наукой и человеческим бытием, раскрывая, как технологические достижения влияют на экзистенциальные и этические аспекты жизни.

В итоге, наследие Хайдеггера бросает вызов современным подходам к изучению науки и техники, приглашая исследователей не только к аналитическому осмыслению, но и к переосмыслению самих оснований человеческой деятельности в эпоху технологической трансформации. Его философия требует не просто интерпретации, но активного включения в вопросы о смысле и целях научно-технического прогресса, сохраняя при этом живую и бесконечную открытость мысли [4].

В философском «лингвизме» XX века ключевым постулатом стало представление о структурном единстве мира и языка. Эти два элемента — мир и язык — взаимно определяли направления развития философских традиций того времени. Однако подходы к этому единству существенно различались: аналитическая философия шла от языка к миру, тогда как феноменология, напротив, начинала с проблем мира и через них выходила к осмыслению языка. Это методологическое расхождение привело к различным последствиям, затронув как методы исследования, так и содержание философских выводов.

Отправные точки этих двух традиций определяли не только вектор, но и конечные результаты их философского генезиса. Феноменологическая концепция мира, которую Хайдеггер развивал уже в ранних своих трудах, рассматривала мир как медиально-трансцендентальную реальность, имплицитно задавая уникальное понимание языка. Это понимание резко контрастировало с тем, что предлагала аналитическая философия, для которой язык стал отправной точкой и ключом к интерпретации мира. В свою очередь, аналитическое понимание языка формировало характерное представление о мире как когнитивно-доступной структуре, разложимой на логико-языковые элементы. Однако такая стратегия обращения к миру в рамках аналитического подхода оказалась неспособна раскрыть радикальную природу бытия, которую стремилась исследовать феноменология.

Эти различия приобретают особую значимость в контексте философии науки и техники. Феноменологический подход, исходящий из мира как первичной данности, позволяет увидеть технику не просто как совокупность инструментов, но как медиум, через который раскрывается бытие. В то же время аналитическая философия, ставящая язык в центр исследования, рассматривает технику с позиции её формальной структуры и функциональности.

Хайдеггеровское понимание языка и мира показывает, что техника не просто служит человеческим целям, но и формирует саму возможность осмысления реальности. Технические устройства, процессы и системы становятся своеобразным языком, через который человечество взаимодействует с сущим. Однако язык — в хайдеггеровском смысле — является не просто инструментом, а носителем смысла, который задаёт рамки человеческого существования [3].

Герменевтика в своём традиционном понимании сосредоточена на исследовании устной и письменной речи, а также на интерпретации знаковых систем. Тем не менее, в эпоху, которую Хайдеггер охарактеризовал как «метафизическую», обращение к языку с герменевтической точки зрения сталкивается с серьёзными ограничениями. Основная причина этого заключается в том, что ещё с времён Аристотеля язык рассматривается как *aroprhansis*, то есть как «высказывание» — инструмент для обозначения сущего, а не как носитель или источник глубинных смыслов. В контексте философии техники стоит задуматься о том, как технология, являясь расширением языка, может трансформировать наше восприятие и интерпретацию действительности, предвосхищая необходимость переосмысления языковых структур и их роли в нашем бытии. Технология становится не просто инструментом, а средством, которое в значительной мере определяет способ нашего взаимодействия с миром и его смыслом.

Редукционистский взгляд на язык подчеркивает его функциональную роль, игнорируя его более сложную онтологическую и культурную природу. В связи с этим данный подход приводит к упрощённому пониманию технологий как лишь инструментов, несущих заданные функции. Однако, как утверждает Хайдеггер, техника не сводится только к утилитарному применению; она выступает в качестве формы раскрытия бытия. Отсюда вытекает необходимость рассмотрения того, как язык, воспринимаемый в его редукционистском аспекте, ограничивает наше восприятие технических феноменов и их места в человеческом опыте. Язык, который должен служить связующим звеном в понимании технологии, оказывается недостаточно мощным для выражения более глубоких отношений между человеком и миром техники. Это подчеркивает необходимость пересмотра герменев-

тического подхода для более полного осознания того, как техника формирует наши представления о сущности и значении бытия.

В то же время в неметафизических традициях можно встретить примеры герменевтики, которая обращается к языку как к смыслообразующей структуре. Так, индийская грамматическая традиция на протяжении веков сосредотачивалась на этимологических исследованиях, придавая значение не только словам, но и звукозначимости санскрита, даже несмотря на то, что проведённые этимологии порой носили спекулятивный характер. Особенно примечательна методика *evambhūtanaya*, разработанная в джайнистской философии, которая исследует тонкие связи между звуковой структурой и её смысловым содержанием. Эта традиция демонстрирует, как язык может быть не просто средством передачи информации, но и глубинной основой, формирующей бытие и понимание мира, подчёркивая его онтологическую значимость и роль в процессе смыслообразования [7].

Ещё более показательной в этом отношении является герменевтическая практика каббалистических школ, где язык осмысливается как средство, раскрывающее скрытые пласты реальности. Такие методы, как гематрия, темура и нотарикон, наделяют буквы и звуки сакральной значимостью. Гематрия соотносит буквы с числовыми значениями, позволяя интерпретировать тексты через числовую символику. Темура создаёт новые смыслы посредством перестановки букв, а нотарикон раскрывает глубинное значение фраз через акронимы или другие комбинации букв, выстроенные на основе толкуемых текстов [7].

Эти герменевтические подходы демонстрируют, что язык может быть рассмотрен не только как средство коммуникации, но и как инструмент структурирования и интерпретации реальности. В этом аспекте философия языка пересекается с философией науки и техники, поскольку обе дисциплины стремятся понять, как формы репрезентации (знаки, символы, формулы) определяют наше отношение к миру. Например, в науке технические символы и математические выражения выполняют функцию, схожую с гематрией или нотариконом, выявляя скрытые закономерности и создавая новые когнитивные горизонты.

Хайдеггеровское понимание языка как «дома бытия» открывает перспективы для переосмысления технологий не просто как инструментов, но как символических и культурных систем, через которые осуществляется раскрытие сущего. Если герменевтика языка в традиционном метафизическом контексте была невозможна, то её восстановление в неметафизических парадигмах предлагает радикально новый способ осмысления научного и технического прогресса. Техника, как и язык, становит-

ся не просто способом манипуляции реальностью, но и пространством, в котором рождаются смыслы, формирующие наше отношение к сущему и определяющие перспективы человеческого существования в технологическом мире.

Философская герменевтика Хайдеггера представляет собой грандиозный проект, нацеленный на раскрытие человеческого существования через его причастность к бытию, при этом язык занимает центральное место в этом процессе. Основным инструментом такого анализа Хайдеггер делает понимание, которое он трактует не как эпистемологическую категорию, но как фундаментальный онтологический модус. В «Бытии и времени» он подчёркивает, что понимание является основой существования, заявляя: *Dasein* (человеческое бытие) «всегда уже понимает себя из своей экзистенции, из возможностей быть самим собой» [8].

В отличие от традиционного гносеологического подхода, сосредоточенного на познании и логике, Хайдеггер предлагает экзистенциальную онтологию, исследующую не познание человека, а самые основы его бытия и возможности существования, что приводит к разработке фундаментальной онтологии (*Fundamentalontologie*). Эта онтология радикально отличается от предшествующих метафизических подходов: она строится на основе нового философского метода, который выходит за пределы фиксированных сущностей и вместо этого фокусируется на особом отношении между человеком и бытием.

В фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера бытие раскрывается через призму человеческого существования, ибо сущность бытия неотделима от вопроса о том, кто есть человек. Бытие, согласно Хайдеггеру, простирается за пределы очевидного, охватывая также сокровенное и имплицитное. В этой перспективе мыслитель призывает к радикальному пересмотру самого смысла бытия, используя метод глубокого вопрошания, который выходит за рамки привычной рациональной логики. При этом язык выступает не просто средством выражения, но и инструментом постижения глубинных смыслов, становясь посредником между человеком и бытием.

Для Хайдеггера *Dasein* представляет собой уникальную форму человеческого бытия, в которой центральное место занимает концепция бытия-в-мире. Он подчёркивает, что *Dasein* «всегда уже и всегда ещё понимает себя в момент своего существования». Это понимание не является чем-то фиксированным; оно олицетворяет собой процесс — непрерывное движение к раскрытию своего бытия, которое Хайдеггер трактует как «экзистенциальное бытийное устройство, открывающее пространство практического умения быть». В этой связи понимание становится тем механизмом, через который *Dasein* по-

стигает свою сущность, связываясь с миром и реализуя своё существование [6].

Хайдеггер показывает, что понимание — это не просто когнитивная способность, а основной способ существования. Без способности понимать своё место в мире и свои возможности быть, *Dasein* теряет саму возможность существования как онтологической сущности.

Герменевтика Хайдеггера имеет глубокие импликации для науки и техники, особенно в эпоху технологического господства. Понимание, как онтологический модус, позволяет пересмотреть роль техники не как утилитарного набора инструментов, а как способа раскрытия бытия. Современные технологии становятся своеобразным «языком» бытия, через который человек взаимодействует с сущим, формирует и трансформирует своё экзистенциальное пространство.

Технические устройства и научные концепции можно рассматривать как инструменты понимания, которые, подобно герменевтическим методам, открывают новые горизонты человеческого существования. Однако Хайдеггер предупреждает о риске утраты связи между техникой и экзистенциальным пониманием: в мире, где техника сводится к функциональности, она может замкнуть человеческое бытие в рамках утилитарного мышления, исключая возможность радикального вопрошания.

Язык является одним из ключевых понятий, определяющих существование общества. Именно благодаря языку общество обретает свою идентичность и целостность. Социальность человека проявляется через его способность мыслить и выражать свои мысли посредством языка. В рамках социальной философии язык воспринимается как неотъемлемая часть общественной жизни, как феномен, который пронизывает все аспекты социального взаимодействия. Гуманитарные науки традиционно исследуют различные аспекты языка и речи, рассматривая их как объекты анализа. Однако Мартин Хайдеггер предлагает иной подход к пониманию языка. Вместо того чтобы рассматривать язык как объект изучения, он стремится раскрыть его сущностные характеристики, исследовать его глубинные корни и истоки. По мнению Хайдеггера несмотря на то, что многие дисциплины, такие как лингвистика, логика и психология, активно изучают язык, они не могут проникнуть в самую суть этого феномена. Для Хайдеггера язык не просто инструмент общения, а самостоятельная и независимая сила, которая может даже выступать в роли субъекта. Он акцентирует внимание на связи языка с бытием, подчеркивая его роль в формировании и выражении самого бытия.

Хайдеггер рассматривает язык как начало всего сущего, утверждая, что бытие невозможно без языка. Только через язык бытие становится доступным для вос-

приятия и осмысления. Этимологический анализ слов, по мнению Хайдеггера, помогает выявить их первоначальные смыслы и таким образом глубже понять природу бытия. В своих трудах Хайдеггер часто обращался к исследованию происхождения слов, стремясь раскрыть их изначальное бытийное содержание.

По Хайдеггеру, язык и речь представляют собой неотъемлемые аспекты бытия, особенно в контексте понимания *Dasein* — человеческого существования в мире. Его известное высказывание «Язык есть дом бытия» подчеркивает, что человек находит своё истинное обитание в языковом пространстве, которое выступает как основа для понимания своего существования. Мыслители и поэты, согласно Хайдеггеру, действуют в роли хранителей этого языка, осуществляя открытость бытия и придавая ему словесное выражение. Этот процесс позволяет бытию проявляться и становится возможным благодаря языку, который функционирует как мост между миром и человеческим существованием.

В рамках философии техники данный анализ поднимает важные вопросы о том, как техника может влиять на наше восприятие языка и, следовательно, на наше понимание бытия. Техника, как средство, может как обогащать, так и ограничивать наши возможности выражения и осознания бытия.

Хайдеггер радикально переосмысляет сущность языка, утверждая, что язык не просто принадлежит человеку; напротив, именно язык «говорит» через человека. Немецкая фраза *Sprache spricht* («Язык говорит») ярко иллюстрирует его концепцию языка как активного и самосущностного явления. В этой перспективе человек не выступает в роли носителя или создателя языка, поскольку язык имеет первостепенное значение по отношению к человеку. В языке происходит самооткрытие бытия. Хайдеггер утверждает: «Язык по своей сути не является ни выражением, ни деятельностью человека. Язык говорит», что подчеркивает превосходство языка над антропоцентрическим пониманием. Эта точка зрения открывает новые горизонты для осмысления отношения между языком, бытием и человеком, предлагая более глубокое понимание онтологической роли языка в процессе раскрытия мира.

Хайдеггер обращает внимание на интерессубъективный характер языка. Язык является медиатором, превращающим частное в общезначимое, индивидуальное в объективное. Это качество языка проявляется в общении, объединяющем нескольких говорящих в коллективное осмысление мира. Язык создаёт единство, формируя структуру реальности, которая становится значимой благодаря языковому выражению [5].

Переосмысляя язык как активный субъект, Хайдеггер

подводит нас к вопросу о роли языка в науке и технике. Современные научные и технические системы используют свои «языки» — математические формулы, алгоритмы, символы, которые формируют новые способы интерпретации мира. Как и в случае с естественным языком, эти символические системы не просто описывают реальность, но активно её создают.

Это означает, что техника является не просто утилитарным инструментом, но своеобразным медиатором бытия, через который формируется современная онтология. Алгоритмы, коды, инженерные конструкции — всё это становится языковыми структурами, в которых раскрывается бытие технологического мира. Однако, следуя логике Хайдеггера, мы должны осознавать, что эти структуры неизбежно ограничивают наше восприятие, задавая определённые рамки для понимания реальности.

Мартин Хайдеггер погружается в исследование техники, стремясь постичь её сущностную природу, которая превосходит узкое восприятие техники лишь как орудия или средства достижения целей. Мыслитель настаивает на том, что подлинное понимание нашей связи с техникой требует выхода за пределы повседневных представлений, которые сводят технику исключительно к вопросам использования, контроля или уклонения от неё.

Хайдеггер подчёркивает: сущность техники не сводится к чему-то, что можно охарактеризовать как «техническое» в узком смысле. Это означает, что попытки определить технику исключительно через её инструментальную функцию не позволяют уловить истинной природы технического прогресса. Такое понимание он называет антропологическим, поскольку оно подразумевает доминирование человека над техникой, стремление к контролю и управлению ею.

Философ утверждает, что все попытки установить «власть духа» над техникой не только неизбежно завершаются неудачей, но и свидетельствуют о глубоком непонимании её истинной природы. Он полагает, что любая попытка свести технику к роли лишь инструмента становится неотъемлемой частью самого технического процесса и, следовательно, не способна достичь своих намерений. Таким образом, стремление подчинить технику духу оборачивается парадоксом, ведь оно лишь укрепляет существующие технические структуры, не осознавая, что сама техника уже обладает своей внутренней логикой и автономной динамикой.

В контексте философии науки и техники, утверждение Хайдеггера о том, что техника не может быть полностью подчинена человеческому волеизъявлению, находит отклик в современных дискуссиях о влиянии технологий на общество. В этом заключается сложность взаимоотношений между человеком и созданными им системами,

а также необходимость более глубокого осмысления этих отношений для гармоничного сосуществования.

Хайдеггер, подчеркивая ограниченность и производный характер инструментального понимания техники, не отрицает его «права на существование». Он признает, что инструментальное определение техники имеет свою долю правды, что подразумевает, что верное всегда фиксирует в наблюдаемом объекте элементы, соответствующие его назначению. Однако такая фиксация, несмотря на свою точность, не раскрывает истинную природу явлений. Истинное понимание техники возможно только тогда, когда мы углубляемся в её сущность, и именно в этом процессе происходит событие истины. Следовательно, простое, корректное утверждение не делает его истиной. Истина, в свою очередь, позволяет нам установить подлинные отношения с тем, что затрагивает нас своим существованием.

Таким образом, инструментальное определение техники, хотя и верное, ограничивает наше восприятие её глубинной природы. Для того чтобы приблизиться к этой сущности, необходимо преодолеть поверхностное понимание и стремиться к более глубоким истинам. Хайдеггер применяет метод, при котором «обычное» антропологическое восприятие техники как лишь средства не отвергается, а получает более глубокое онтологическое обоснование. Когда речь заходит о том, является ли техника инструментом человеческой деятельности, Хайдеггер отвечает утвердительно, но на вопрос о том, исчерпывается ли её сущность только инструментальным характером, он резонно отвечает отрицательно. Сущность техники заключается в нечто более глубоком, чем её функциональная роль, что требует от нас переосмысления её места в философии. Это позволяет нам увидеть технику не только как набор инструментов, но и как мощный фактор, формирующий наше понимание бытия и отношений в современном мире.

Техника не есть просто средство в руках человека; она — путь к проникновению за завесу неизвестного. Осознавая это, мы видим: техника превосходит рамки обыденного инструментария и открывает перед нами измерение истины. Таким образом, техника тесно переплетается с процессом обретения истины. Она служит полем для её воплощения и проявления.

В контексте техники, как пространства реализации истины, всё сущее приобретает особый статус — «наличие». Это понятие становится центральным, описывая особую форму существования объектов, которые прошли через процесс технического раскрытия. В состоянии наличия они перестают быть просто объектами внешнего мира и становятся частью открытого бытия. Техника не является инструментом, подчиненным воле человека; она — способ существования, путь к истине, который ве-

дет сущее из состояния сокрытости к свету явленности.

Техника в философии Хайдеггера — это не просто предмет размышлений об её инструментальных возможностях или роли в жизни человека. Это стремление проникнуть в самую суть техники как особого модуса бытия-в-мире. Хайдеггер акцентирует внимание на том, что «сущность техники не является чем-то техническим». Поэтому, чтобы постигнуть истинную природу техники, недостаточно лишь пользоваться ею, восторгаться её успехами или стремиться избежать её влияния. Подобный подход удерживает нас в плену технического, независимо от того, приветствуем ли мы технику с радостью или же стремимся отвергнуть её.

Инструментально-антропологический подход, трактующий технику лишь как набор инструментов для достижения определённых целей, не в состоянии постичь глубинное различие между сущностью техники и её техническим проявлением, представляющим собой множество устройств и действий. Для обозначения сущности техники Хайдеггер вводит понятие постав (Gestell). Постав — это особый способ раскрытия истины (или «непотаённого»), который определяет техническое отношение человека к бытию [1].

Это видение придаёт первостепенное значение функциональности и практичности технических устройств, игнорируя более глубокие онтологические аспекты, которые лежат в основе самого понятия техники.

Данная перспектива не позволяет уяснить принципиальное различие между сущностью техники — её внутренней природой, которая включает в себя не только функциональные характеристики, но и её способности формировать человеческие отношения, восприятие и бытие — и её техническим проявлением, которое состоит из множества устройств и действий. Это проявление может изменяться с течением времени, в то время как сущность техники остаётся глубоко укоренённой в нашей культуре и способах мышления.

Понимание техники только в её инструментальном аспекте порождает представление о ней как о безличной, нейтральной силе, которую человек может контролировать. Однако такое представление игнорирует то, как техника влияет на человеческие ценности, окружение и сами процессы познания. Она не только служит инструментом, но и формирует наше восприятие мира и определяет условия существования, способствуя созданию новых форм общения, культуры и знания.

Но понятие постава выходит за рамки простого описания технического взаимодействия с миром. Это способ бытия самого человека в технической эпохе, где он сам становится ресурсом — «человеческим ма-

териалом», необходимым для функционирования технических систем. Постав формирует определённое самопонимание, свойственное современному человеку: в условиях технической эпохи человек перестаёт быть лишь творцом и потребителем техники, превращаясь в её функциональную часть.

Мартин Хайдеггер рассматривает технику как нечто гораздо более глубокое, чем просто набор инструментов или технологий. В его понимании техника является дарованной человеку способностью раскрывать потаенное, открывать мир в его сущности. Это раскрытие происходит через процесс, который философ называет «постав» (Gestell). Этот термин, хотя и связан с обычным немецким словом, обозначающим такие объекты, как ткацкий станок или жернов, приобретает у Хайдеггера совершенно новое значение. Подобно тому, как Платон переосмыслил греческое слово «эйдос» (вид) в понятие «идея», обозначающее невидимое чувственным глазом, Хайдеггер наделяет Gestell уникальным философским содержанием.

Gestell, или «постав», в интерпретации Хайдеггера представляет собой способ, которым истина выводится из состояния потаенности. Это процесс раскрытия бытия через усилие человека, призванного выявлять скрытое в действительности. Хайдеггер утверждает, что граница между потаенным и непотаенным не фиксирована, а обусловлена способностью человека различать их. Для философа бытие иррационально, и его сущность не может быть исчерпана рациональным познанием. Он ссылается на древнегреческих мыслителей, подчеркивая, что самое сущностное и фундаментальное часто остается скрытым дольше всего, несмотря на свою изначальность. Таким образом, техника становится одним из путей, который направляет человека к этому раскрытию.

Хайдеггер видит в технике не только инструментальный способ взаимодействия с миром, но и судьбу человека. Под судьбой он понимает не принуждение, а дар, открывающий путь к подлинной свободе. Следовать этому пути — значит услышать «Зов бытия», который направляет человека через Gestell. Этот зов не является внешним воздействием или принуждением; напротив, он открывает перед человеком возможность быть свободным, следуя своей сущности.

Gestell, как пишет Хайдеггер, не принадлежит человеку. Это часть бытия, находящаяся вне его и направляющая его действия. Человек отвечает этому зову своим техническим отношением к миру, что делает технику неотъемлемой частью его существования. Таким образом, техника выступает одновременно как судьба, заданная бытием, и как способ, посредством которого человек реализует своё отношение к окружающему миру.

Интерпретация Gestell через понятие энтелехии, предложенное Аристотелем, позволяет раскрыть его философский смысл более полно. Энтелехия, в аристотелевском понимании, представляет собой активный принцип, цель в себе, который превращает потенциальное в актуальное. Аналогично этому, Gestell является возможностью техники в её бытийном измерении, а техника — её актуализацией. Если рассматривать технику через призму энтелехии, она становится не просто реализацией функциональных задач, но воплощением более высокого целеполагания, направленного на раскрытие мира.

Наука, подобно технике, является способом раскрытия потаенного, но делает это через математизацию и объективизацию. В современном мире наука и техника становятся взаимозависимыми: наука предоставляет законы и теории, которые техника превращает в практические приложения. В этом процессе они вместе формируют образ современного человека, который воспринимает мир как ресурс, подлежащий эксплуатации и управлению.

Однако Хайдеггер предупреждает о рисках такого подхода. Техника, будучи даром бытия, способна замкнуть человека в утилитарном отношении к миру, лишая его связи с метафизической сущностью бытия. Этот вызов требует нового способа мышления, который способен выйти за пределы утилитаризма и восстановить связь между техническим прогрессом и духовными основаниями человеческого существования.

Хайдеггер связывает технику с метафизическим пониманием бытия, утверждая, что современная техника представляет собой «завершённую метафизику». Это связано с тем, что техника исходит из классической западной концепции бытия как наличия (Vorhandensein). В рамках этой традиции, начиная с Платона, бытие сущего воспринималось как объективное присутствие, доступное для познания и манипуляции. Современная техника, реализуемая через «поставляющее производство», делает всё сущее доступным для контроля и использования. Таким образом, техника воплощает идеал западной метафизики, в которой мышление редуцируется к созерцанию сущностей, а бытие — к объекту.

Возникает вопрос: кто осуществляет «поставляющее производство», выводящее сущее в состояние наличия? На первый взгляд, ответ прост: человек как субъект. Однако Хайдеггер предостерегает от возвращения к инструментально-антропологическому подходу. Хотя человек участвует в производстве, он не контролирует саму непотаённость, в которой раскрывается действительное. Это указывает на то, что техника формирует не только наш способ работы с миром, но и наш способ мышления, определяя горизонты того, что мы можем видеть и осознавать.

Современные научные теории и технические системы работают через те же механизмы, что и «постав»: они делают мир доступным, определяя его как ресурс для анализа, манипуляции и эксплуатации. Наука, например, преобразует природные явления в модели и данные, которые можно измерять и контролировать. Технические устройства, в свою очередь, не только реализуют эти модели, но и формируют нашу реальность, задавая рамки возможного взаимодействия с ней.

В то же время Хайдеггер предупреждает, что такой подход таит в себе опасность: человек, воспринимая мир исключительно как объект для эксплуатации, теряет способность к иному, более глубокому восприятию бытия. Техника не должна редуцироваться к инструменту, а наука — к средству; их роль состоит в раскрытии бытия в его подлинной сложности. Хайдеггер учит видеть в технике не только функциональность, но и возможность диалога с бытием, который выходит за рамки утилитарного и прагматического подходов [2].

В своем произведении «Вопрос о технике» (1954) Мартин Хайдеггер предлагает глубокое осмысление природы техники, которое выходит за рамки традиционного инструментального подхода. Он отвергает общепринятую концепцию техники как нейтрального средства, полностью под контролем человека. Философ подчеркивает, что техника представляет собой нечто более весомое, чем лишь набор инструментов; она служит способом раскрытия более глубоких уровней бытия, через который истина становится осязаемой. Хайдеггер утверждает, что мы попадаем в самый глубокий плен техники, когда воспринимаем ее как нечто нейтральное [8].

Для Хайдеггера техника представляет собой особую форму отношения к миру, способ «раскрывания» (Entbergen), которое определяет, как человек взаимодействует с реальностью. Это раскрывание имеет двойственный характер. С одной стороны, техника извлекает и преобразует скрытое, что приводит к появлению новых ресурсов, объектов и возможностей. С другой стороны, она изменяет саму сущность того, что раскрывается. Например, современная техника преобразует природу, превращая её в объект, предназначенный для использования. Хайдеггер иллюстрирует это на примере Рейна: гидроэлектростанция превращает реку из природного феномена в поставщика гидравлической энергии, встроенного в производственную систему. В результате Рейн теряет своё культурное и природное значение, существуя лишь как часть технической инфраструктуры.

Этот пример демонстрирует, как техника меняет не только внешний облик мира, но и восприятие человеком природы. Вместо того чтобы видеть в Рейне нечто самобытное и величественное, человек воспринимает его лишь как ресурс, подчиненный техническим систе-

мам. Это изменение восприятия имеет глубокие экзистенциальные последствия: техника становится не просто инструментом, но новой средой обитания человека, определяющей его отношение к миру и самому себе.

Хайдеггер подчеркивает, что техника в современной эпохе задает новую картину мира. Она формирует способ мышления, при котором всё сущее воспринимается как ресурс, как «стоимость» (Bestand), предназначенная для использования. В этом отношении техника не является пассивной: она активно конструирует реальность, задавая рамки человеческого опыта. Например, туристическая индустрия превращает тот же Рейн в объект визуального потребления, лишая его метафизического значения, воспетого в гимне Гельдерлина. В результате мир утрачивает свою сакральность и становится объектом эксплуатации и эстетической утилитарности.

Вопрос о технике в философии Хайдеггера напрямую перекликается с проблемами науки и её роли в современном обществе. Современная наука, как и техника, не просто раскрывает мир, но делает это через объективизацию и математизацию сущего, что сближает её с «поставляющим производством» техники. Наука выявляет и формулирует законы природы, но при этом неизбежно включается в технические системы, превращая свои открытия в инструменты. Это слияние науки и техники создаёт новый тип рациональности, при котором истина подчиняется целям эффективности и функциональности.

Хайдеггер рассматривает технику как один из способов раскрытия бытия, который не сводится к простой инструментальности. В его философии техника обретает статус «поста» (Gestell), выступающего в качестве формы, через которую осуществляется процесс выявления скрытого — потаенного. Техника становится не просто средством, но языком, через который бытие говорит с человеком. Этот язык, однако, двусмыслен: он может как помогать в раскрытии истины, так и заслонять её, увлекая человека в гонку утилитарного производства.

Хайдеггер отмечает, что техника обладает особым языком, коренящимся в её сущности. Этот язык «говорит» через структуры производства, потока ресурсов и механизмов преобразования. Однако его послание становится однобоким: вместо того чтобы служить осмысленному раскрытию мира, оно подчиняет всё производственно-поставляющему дискурсу. Техника заявляет о себе как о средстве овладения природой, преобразуя её в ресурсы, готовые к использованию. В этом языке утрачивается глубина — исчезает тот опыт, в котором истина открывается как сокрытое, требующее созерцания и внимания.

Современная техника изменяет сам язык, в котором человек мыслит и взаимодействует с миром. Она формирует «технократический» дискурс, в котором доминируют термины, связанные с эффективностью, производительностью и контролем. Этот язык способствует обеднению восприятия, заменяя сложность мира его упрощённым функциональным описанием. Человек перестаёт видеть в технике инструмент для диалога с бытием и воспринимает её исключительно как средство решения практических задач.

Такая ситуация затрудняет доступ к более глубокой сущности техники. Оно ограничивает способность человека задумываться о её двусмысленной природе, в которой переплетаются раскрытие и сокрытие истины. Чем больше язык техники превращается в утилитарный код, тем сильнее становится разрыв между техническим прогрессом и духовным развитием человека.

Язык не только отражает наши представления о технике, но и формирует их. Упрощённый технократический дискурс, в котором техника — это лишь совокупность устройств, меняет наше отношение к ней. Мы перестаём видеть технику как часть диалога между человеком и бытием и начинаем воспринимать её исключительно как объект, подлежащий эксплуатации. В таком подходе техника перестаёт быть способом раскрытия потаённого и становится средством подчинения мира.

Хайдеггер предлагает искать «подлинный» язык, который способен восстановить утраченный баланс. Этот язык должен быть созерцательным, обращённым к истокам техники как техне, означающей в древнегреческом понимании не только ремесло, но и искусство, связанное с поэтическим раскрытием истины. В этом контексте техника становится не просто набором инструментов, а формой диалога, в котором человек и бытие взаимно раскрывают друг друга.

Вопрос о технике в философии Хайдеггера рассматривается как метафорическая звёздная конstellация, в которой крайности — опасность и спасение — находятся в непосредственной близости друг к другу. Он утверждает, что угроза, исходящая от техногенного производства, способного затенять истину, одновременно содержит в себе спасительные свойства. Данные свойства могут быть распознаны лишь в том случае, если мы откажемся от утилитарного подхода к технике и обратим взор к её глубинной сущности, которую Хайдеггер рассматривает как язык бытия. Эта смена перспективы позволяет увидеть, что техника не является лишь набором инструментов, но представляет собой сложный феномен, способный как угнетать, так и открывать горизонты понимания. Именно здесь техника становится судьбоносным испытанием для человека. Она требует не только овладения, но и мышления, которое способно увидеть её в более широком контексте. Этот контекст выходит за пределы производственно-поставляющего языка и возвращает нас к истокам техники как способа раскрытия истины.

Однако вглядывание в сущность техники открывает перед нами возможность услышать её подлинное послание. Эта возможность требует нового языка, который сможет выразить сложность и многообразие человеческого взаи-

модействия с миром. Таким образом, хайдеггеровская философия науки и техники становится не только критикой современного технического мышления, но и попыткой найти новый путь к диалогу между человеком, техникой и бытием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дёмин И.В. Человек техники. М. Хайдеггер и Ф.Г. Юнгер об экзистенциальном смысле техники // Terra Linguistica. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-tehniki-m-haydegger-i-f-g-yunger-ob-ekzistentsialnom-smysle-tehniki>
2. Демин И.В. Экзистенциально-онтологическое обоснование техники в философии М. Хайдеггера // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialno-ontologicheskoe-obosnovanie-tehniki-v-filosofii-m-haydeggera>
3. Инишев И.Н. Хайдеггер и философия языка // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2008. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/haydegger-i-filosofiya-yazyka-1>
4. Перехода М.А. Феноменологический метод М. Хайдеггера // Экономика и социум. 2016. № 6-2 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskii-metod-m-haydeggera>
5. Попова А.В. Язык в философии М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна в контексте осмысления интернета // Вестник ЧелГУ. 2021. № 8 (454). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-v-filosofii-m-haydeggera-i-l-vitgenshteyna-v-kontekste-osmysleniya-interneta>
6. Талалаева Е.Ю., Пронина Т.С. Понимание как универсальная герменевтическая среда в философии Мартина Хайдеггера и Ханса-Георга Гадамера // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2(36). С. 118-123. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2020/02/2020-02-14.pdf>
7. Фалёв Е.В. Герменевтика языка в философии М. Хайдеггера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10, ч. 2. С. 191-194. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2014_10-2_46.pdf
8. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. — М.: Республика, 1993. — 447 с. — (Мыслители XX в.). URL: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf

© Москвитин Валерий Александрович (moskvitin_va@voenmeh.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»